

АЛЕКСА ГРАНД

Зари на ОТЛИЧНИЦѹ

За минуту до щастья

Алекса Гранд

Пари на отличницу

«Автор»

2024

Гранд А.

Пари на отличницу / А. Гранд — «Автор», 2024 — (За минуту до счастья)

Хорошая девочка Вика любит Чехова и гулять под дождем. И ненавидит троечника Потапова за то, что ему все дается слишком легко. Плохой мальчик Егор любит ночные клубы и выигрывать споры. И терпеть не может правильную до тошноты отличницу Смирнову. Так бы они и вращались на разных орбитах, изредка встречаясь в университете. Если бы не одно «но»...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	24
Глава 8	27
Глава 9	30
Глава 10	33
Глава 11	36
Глава 12	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Алекса Гранд

Пари на отличницу

Глава 1

Егор

Мы интеллектуальные противоположности.

Я интеллектуал, а вы противоположность.

(с) Мэй Уэст.

– Пота-а-ап!

– Отстань!

Звонкий голос друга ввинчивается мне прямо в мозги и заставляет недовольно морщиться. А еще отвлекает от созерцания хорошенького затылка одной миниатюрной брюнетки. Девушка переминается с ноги на ногу и старается что-то записать в пухлый коричневый блокнот.

Бесперспективное занятие в такой толкучке, как по мне.

Правда, сообщать об этом девушке я не собираюсь. Делаю шаг вперед и в третий раз слушаю волнистую прядь с маленького аккуратного уха. Отчего незнакомка испуганно вздрагивает и медленно ведет ладонью по изящной смуглой шее.

– Ну, Егор...

– Отстань, Паш.

Я досадливо отмахиваюсь от раздражающего фактора в лице лучшего друга и отвечаю ему смачный подзатыльник. Пропустив торжественную речь ректора в честь Дня знаний, Пашка Веселовский, высокий долговязый шатен, отхлебывает кока-колу из банки и давится, выплевывая жидкость на одну из наших одноклассниц, стоящих рядом.

Шикарное собрание бакалавров. Мда.

– Ты можешь хоть пару минут не отвешивать, а?

Толкаю друга в бок локтем и возвращаюсь к прерванной игре, гадая, почему не видел незнакомку на потоке раньше. Хотя, с моими-то прогулами.

– Ну, Пота-а-ап!

Веселовский все-таки отвлекает меня воплем раненого бизона, и я не рассчитываю траекторию своего движения. Подаюсь вперед чуть больше, чем следует, и мажу носом по аккуратному уху, втягивая дурманящий цитрусовый аромат духов.

В свою очередь, брюнетка дергается, роняет свято оберегаемый ежедневник и резко наклоняется, предоставляя мне прекрасную возможность оценить соблазнительные виды и открывающиеся перспективы.

– Ммм, конфетка.

Округлые ладные бедра, обтянутые черным классическим платьем. Край кружевного чулка, мелькающий в поползшем вверх разрезе. Модные туфельки, на высоком каблуке.

Невинная забава в один миг приобретает совсем не невинные очертания и заставляет меня сглатывать ставшую вязкой слюну. Так что я резко выдыхаю и двумя пальцами оттягиваю воротник начинающей душить меня рубашки.

– Пота-а-ап, – следующий оклик я, ожидаемо, пропускаю.

Залипаю на плавных изгибах так, как не залипал даже на последнюю серию «Игры престолов», дорисовываю недостающие детали в воображении и посему не замечаю появление ледокола «Арктика».

– Егорка.

Полузабытое обращение отрезвляет, заставляя оторваться от впечатляющего зрелища. А еще напоминает о том, что было бы неплохо вернуться к делам насущным и расставить все точки над *i* в отношениях с бывшей девушкой.

Например, повторить Лене Семеновой, что мы разбежались. Разошлись, как в море корабли, и поставили на изжившем себя романе жирную точку.

И в очередной раз донести, что ее фальшивая улыбка и латексный комбинезон на два размера меньше нужного не вызывают во мне ничего, кроме глухого раздражения, охватывающего тело, начиная от макушки и заканчивая кончиками пальцев.

Вдох. Выдох. Дзен.

– Лен, солнце мое ненаглядное, гроза стиля и будущая звезда мировых подиумов. Что во фразе «Мы расстаемся» тебе непонятно?

Несмотря на попытки притушить раздражение, мой голос все равно сочится концентрированным ядом, только это совсем не смущает первую красавицу курса. Так же, как и мои активные попытки отпихнуть это намертво прилипшее недоразумение от себя.

Леночка старательно делает вид, что наша ссора – сущий пустяк, и продолжает виснуть у меня на локте.

– Да брось. Повздорили, вспылили, с кем не бывает?

Тем временем, пока я хмурюсь, а Семенова изображает ангела во плоти, зацепившая меня брюнетка успевает собрать выпавшие из блокнота листочки. Поднимается и резко разворачивается, качнувшись с пятки на носок и обратно.

– Потапов, ты? Скинь в следующий раз геолокацию, пожалуйста, чтобы я обошла тебя десятой дорогой. Ладно?

– Смирнова?

Девчонка больше ничего не произносит. Только окидывает меня разочарованным взглядом, как будто ожидала столкнуться с принцем Датским или, на худой конец, с Егором Кридом. И надменно фыркает, не пряча бесстыжей усмешки.

Я же пытаюсь уложить в голове, что залип на отличнице, заучке всея потока и приличной занозе, отличающейся отменным занудством. Не выходит. Ни с первой попытки, ни со второй. Ни с натяжкой, ни со скидкой на альтернативную реальность или вторжение инопланетян, захвативших мозги.

Так что я пристально изучаю знакомую незнакомку и нещадно туплю, когда она снисходительно роняет.

– А может, все-таки повезет, и тебя, наконец-то отчислят?

Прижав пухлый блокнот к соблазнительной груди, которую я раньше не замечал, Смирнова стягивает с маленького вздернутого носа очки в черной оправе «бабочка» и возводит к небу светло-зеленые глаза, подергивающиеся мечтательной поволокой. После чего хмыкает и ныряет в толпу, оставляя меня наедине с разливающимся по венам неудовольствием.

Отреагировать на ее выпад не успеваю. Тупо смотрю вслед виртуозно протискивающейся между одноклассниками занозе и откровенно не понимаю, куда подевался запас язвительных подколов из моего арсенала. Не втыкаю, с какой стати в груди взялось горьковатое чувство недовольства самим собой, и не могу сообразить почему так сильно мешают пальцы красивой и вроде бы не глупой Леночки, вцепившейся в мое предплечье, как клещ.

– Все, Лен, мы рас-ста-ем-ся. Seriously. Насовсем. Да.

Запахав ненужные мысли подальше, я произношу по слогам и наблюдаю такую гамму эмоций на искривившемся лице, что впору поежиться от неприкрытой злобы.

Правда, Леночкино неодобрение больше меня не трогает. Так что я отклеиваю от себя бывшую девушку, с которой имел глупость встречаться, и удаляюсь с места несостоявшегося скандала, не обращая внимания на сыплющиеся на мою многострадальную черепушку проклятия.

– Скучная, – бурчу себе под нос, вытягивая Веселовского из толпы, и тащу его на буксире к выходу из тесного для такой толпы актового зала. – До чего же она скучная.

– А Смирнова?

– Смирнова? – катаю на языке фамилию отличницы, напарываясь на внезапный вопрос, и заключаю после недолгих раздумий. – Смирнова интересная.

Глава 2

Вика

Раскрась мою жизнь хаосом проблем.

(с) «500 дней Лета».

– Солнышко светит, птички поют. Красота, да и только.

Выглядываю в окно и скептически хмыкаю.

– Ну, а я что?

А я в очередной раз хороню планы за плинтусом, присыпаю их пеплом несбывшихся надежд и запиваю этот убойный коктейль стаканом холодного молока. Щурюсь от ярких лучей, сползаю с подоконника и иду собираться на работу, проклиная свое везение.

Болезненная Верочка, постоянно подхватывавшая то вирус, то простуду, а то и воспаление хитрости, слегла с гнойной ангиной. Ее смена по умолчанию перекочевала ко мне, и вечеринка в честь первого сентября, конечно же, накрылась медным тазом.

– Чертов закон подлости!

Бурчу своему недовольному отражению в зеркале и высовываю язык.

Да, я хотела в этот дурацкий клуб. Хотела хоть раз отжечь на полутемном танцполе, подсвеченном бликами диско-шара. Хотела попробовать экзотических коктейлей, хотела плясать до упада, хотела много смеяться и возвращаться домой под утро с босоножками в руках.

– Не судьба.

Благодаря коллеге, мне приходится натягивать безликую белоснежную рубашку с воротничком-стойкой и черные брюки в обlipку вместо короткого платья и собирать непослушные волосы в изрядно надоевший пучок. Подкрашивать губы красноватым блеском, принятым в нашем заведении, и опрометью мчаться вниз.

Чтобы через каких-то двадцать минут, ровно столько мне требуется на то, чтобы добежать до входа в подземку и проехать пару станций метро, принимать заказ у задумчивой девушки в сером брючном костюме.

Она посещает наше кафе строго по понедельникам, усаживается за столик в дальнем углу и что-то медленно выводит на экране своего планшета. Отгораживается от мира ширмой из волос, сосредоточенно закусывает нижнюю губу, как будто доказывает теорему Ферма, и перестает замечать что-либо вокруг.

– Здравствуйте. Вам...?

– Мне как обычно, пожалуйста.

Задумчивая, брюнетка на пару секунду отвлекается от своего несомненно важного занятия, откидывает рваную косую челку со лба и грустно улыбается, тарабаня короткими ногтями по столешнице. По обыкновению, выглядит так одиноко, что у меня начинает привычно щемить где-то под ребрами.

– Двойной эспрессо с долькой лимона и маленькую сырную тарелку, – не задавая лишних вопросов, чеканю недлинный список, давно заученный наизусть, и лечу на кухню, подмигивая шефу. – Петь, а, Петь. Порадуем царевну Несмеяну?

Бог нашей кухни, Назаров понимающе кивает и спустя несколько минут передает мне тарелку с фирменным шоколадным капкейком, украшенным взбитыми сливками и маленькой вишенкой сверху.

– Приятного аппетита.

– Спасибо, – отложив гаджет в сторону, гостя аккуратно пробует пирожное, блаженно жмурится и рассеянно произносит: – перезрелые вишни самые опасные, от них может закружиться голова...

В ответ на ее фразу я лишь пожимаю плечами и спокойно принимаю чужие странности у самой – их вагон и маленькая тележка. Начиная от непреодолимой тяги к классике, которую не разделяет ни одна из моих соседок по квартире, заканчивая неугасимой любовью к грозам.

Олька показательно зажимает уши ладонями, когда я пытаюсь цитировать Чехова. Милка и вовсе сбегает к холодильнику за эклерами. А уж, когда я возвращаюсь домой вымокшая насквозь под проливным дождем, девчонки синхронно крутят пальцами у виска и несутся меня отогревать.

– Красота.

На город опускаются сумерки, и я украдкой наблюдаю за багрянцем, окрашивающим небо. Сную между столиками, таскаю туда-сюда подносы с тарелками и стараюсь не думать о том, что именно в этот момент подруги как раз выходят из подъезда и садятся в такси. Которое отвезет их в страну чудес – знаменитый рок-бар, находящийся под землей. Где у входа будет стоять серьезный охранник в черной косухе и в черных солнцезащитных очках. Он будет держать в татуированных пальцах длинный список приглашенных и пропускать студентов внутрь по одному.

Эх, мечты, мечты...

– Так. Нам капучино с кокосовым сиропом и корицей, латте макиато, две венских вафли с черникой и телефончик запиши.

Низкий знакомый голос с заигрывающими ласковыми интонациями врывается в мое царство фантазий и стремительно возвращает меня на бренную землю, заставляя гадать, где я так нагрешить-то умудрилась.

– Да не может быть. Опять ты, Потапов, – выдаю обреченно и едва удерживаюсь от того, чтобы не стукнуть одноклассника подносом по светлой макушке. – Так чей, я извиняюсь, тебе телефончик записать? Кареты скорой помощи или клиники для душевнобольных?

На автомате прикрываюсь щитом из сарказма и по профессиональной привычке оцениваю развалившегося на стуле Егора. Закусываю нижнюю губу и попутно ругаюсь на подлые взбунтовавшиеся гормоны, решившие, что на троечника очень даже приятно смотреть.

На его не слишком длинные пепельные волосы, небрежно зачесанные набок. На серо-стальные глаза, сузившиеся в хитром прищуре. На угольно-черные ресницы. И на квадратные скулы, ничуть не портящие весьма привлекательное лицо.

Так, Смирнова! Стоп!

– Смирнова, – в это же время Потап копирует то, что транслирует мой внутренний голос.

Только делает это так предвкушающе, что мне тут же хочется залезть под самый не приметный стол и не вылезать оттуда, пока мой персональный раздражитель не испарится из нашего заведения.

По какой-то иррациональной причине рядом с Потаповым мой инстинкт самосохранения отключается по щелчку, а желание дерзить и ерничать стремится к абсолюту. С самого первого курса я ни разу не заткнулась первой во время наших перепалок и нажила немало неприятностей на свои вторые девяносто.

– Ладно. Твой номер я и сам найду, так что не смею отвлекать от выполнения твоих... непосредственных обязанностей.

Решает то ли сжалиться, то ли задеть Егор, так что я крепче стискиваю зубы и резко разворачиваюсь. Притворяюсь, что не чувствую, как тяжелый обжигающий взгляд утыкается мне в спину и заставляет все тело покрыться мелкими колючими мурашками.

Шагаю твердо, намереваясь разmozжить плитку своими каблуками, и поспешно скрываюсь за двустворчатыми распашными дверями, ведущими в царство шеф-повара нашей адской кухни.

Поначалу Петька Назаров, невысокий толстячок с испуганными голубыми глазами и женственными пухлыми губами кажется всем совершенно безобидным, но стоит ему открыть рот, как первое впечатление кардинально меняется. Поступающие к нему на обучение стажеры попеременно краснеют и бледнеют от язвительных замечаний, слетающих с его беспощадного языка. Кто-то начинает заикаться под его хищным взглядом, кто-то блеет сущую ерунду, а самые невезучие путают ингредиенты самых простых блюд и получают черную метку.

Мы с Петькой давно прошли стадию холодной войны, миновали период вооруженного нейтралитета, и плавно перекатились к приятельскому общению. Сплотились, так сказать, на ниве неприятия людской глупости и объединились из-за общей страсти к шоколадным маффинам. Примирившей неординарного повара и обычную официантку с такой вселенской несправедливостью, как отсутствие в нашем кафе тринадцатой зарплат.

– Петь, а можно я одного клиента прибую? Легонечко? Насмерть?

– Нельзя. Тебя поймают и посадят. Кто Верочку подменять будет?

– Ну, Пе-е-еть!

– Нельзя, – задушив мои насильственные поползновения на корню, бросает через спину Назаров и продолжает сосредоточенно помешивать белый густой соус в небольшой кастрюльке. – Каре ягненка в вине будешь?

– А вино без ягненка можно? – хмыкаю саркастично, сгружая посуду в мойку, натыкаясь на внимательный заинтересованный взгляд и небрежно отмахиваюсь от дальнейших расспросов. – Да, шучу я, шучу.

Мысленно сняв скальп с Егора и его дружка Веселовского, я медленно вдыхаю, разминая затекшее и постоянно ноющее запястье, затем шумно выдыхаю и собираю в кулак все свое самообладание, готовясь к следующему раунду противостояния с несносным троечником, к которому испытываю стойкую неприязнь.

Потапову в этой жизни все дается слишком легко. После разговоров с ним большинство преподавателей послушно закрывают глаза на его пропуски и на халяву рисуют Егору зачеты. Противоположный пол и вовсе начинает истекать слюной, стоит Потапу появиться в радиусе ста метров, даже самые умные девчонки рядом с ним теряют последние мозги, и это все меня несказанно бесит.

Глава 3

Егор

*В юности, когда плоть ещё глупа и беспощадна,
азарт поглощает все прочие чувства: и жалость,
и осторожность, и даже инстинкт самосохранения.*

(с) «Обещание нежности», Олег Рой.

Первым из аудитории вываливается Веселовский. Смешно перебирает длинными тощими ногами, любовно придерживая драгоценный сосуд – красно-белую алюминиевую банку. Иногда мне кажется, что друг на семьдесят процентов состоит не из воды, а из кока-колы.

Я выкатываюсь следом. Злой, взъерошенный и готовый взорваться от малейшей искры. Снимаю с черной рубашки длинный светлый волос и, нахмурившись, сплевываю себе под ноги.

– Посещаемость, аккредитация, отчисление, ничего не забыл? – пинаю носком кроссовка скомканную бумажку и задумчиво морщу лоб, прикидывая, что с прогулами придется завязывать. Ну, или хотя бы сократить их количество до приемлемого. Потому что пополнять ряды неудачников, покинувших стены альма матер без заветной корочки на последнем году обучения, не хочется. Отец и так всю плешь проел на тему хренового рейтинга.

– Да расслабься, Потап. Фигня, – небрежно машет рукой вечно радостный Веселовский. Он не заморачивался даже тогда, когда менты закрыли нас в изоляторе до выяснения личности, что ему какой-то декан: – погнали в «Бункер»?

Мысленно отвесив другу подзатыльник, я кошусь на его довольную физиономию и отрицательно качаю головой. В клубе соберется большая часть нашего потока, а отбиваться от пиратки-Леночки и ее верных подружек мне совсем не улыбается.

– Как-нибудь в другой раз.

Фиксирую немое удивление на Пашкином лице и ловлю за шиворот друга, едва не исполнившего сальто-мортале с лестницы. Хмыкаю негромко и свободной рукой выуживаю из кармана модных черных джинс телефон.

Нужно забрать дедов подарок из ремонта. Массивные старые часы с царапиной на округлом металлическом корпусе и потертым кожаным ремешком. Я крайне редко с ними расстаюсь и сейчас ощущаю себя уютно без привычной тяжести на запястье.

– Готово? Отлично! – спустя каких-то полчаса проверяю исправно работающий механизм, благодарю мастера за работу и толкаю Веселовского в сторону неприметного кафетерия.

Заведение теряется среди многочисленных витрин бутиков с броской рекламой, настойчиво манящих если не купить букет роз несуществующей девушке, то приобрести стильный джемпер из последней коллекции одежды осень-зима.

– Может, не надо? – притормозив у порога, неуверенно мямлит Пашка и колупает пальцем простенькую деревянную дверь. Скромная вывеска «Карамель» явно не внушает ему доверия.

– Надо, Веселый. Надо! – гаркаю от души так, что пробирает даже пожилую женщину, выгуливающую на поводке шпица с нежно-персиковой гладкой шерсткой. Пес вздрагивает от моего угрожающего окрика и подпрыгивает на полметра вверх, пугая хозяйку.

Моими серьезными намерениями проникается не только собака, мчащаяся прочь. Пашка тоже срывается с места и тянет на себя дверь, не сразу соображая, что она открывается внутрь.

Я же с кривящей губы усмешкой стучу костяшками пальцев по затылку друга и намекаю на отсутствие там мозгов и присутствие тормозной жидкости.

– Кофе попьем. Развлечемся. Чего скис?

Двигаю Веселовского вперед и следом за ним проскальзываю в простой, но уютно обставленный зал.

Негромкая приятная музыка бальзамом проливается на нервы, аромат кофейных зерен, витающий в воздухе, щекочет ноздри и поднимает испорченное настроение. Ну, а соблазнительные бедра официантки, упакованные в облегающие брюки, и вовсе обещают скрасить скучный вечер.

И все идет идеально до того момента, пока я не поднимаю глаза и не встречаюсь взглядом с полыхающими злобным огнем зелеными омутами. Знакомыми зелеными омутами, обещающими разложить неугодного на столе для опытов и препарировать затупившимся скальпелем долго, с чувством, с расстановкой.

– Смирнова.

Констатирую данность и испытываю легкое раздражение от того, что девчонка не то что не собирается падать к моим ногам – даже не улыбается. Она, скорее, послала бы меня таким затаенным маршрутом, что я бы потерялся в хитросплетениях словесных конструкций.

Спасает пресловутая профессиональная этика. Меня – от культурного шока, Вику – от неизбежного увольнения. Потому что разбитый о голову клиента графин ей бы вряд ли простят.

– На правильных девочек потянуло?

Оценив подлунку судьбы, хохочет Пашка и падает на стул, когда Смирнова удаляется на достаточное расстояние, чтобы не слышать нашего разговора.

– Цыц.

Осекаю приятеля. Уклончиво пожимаю плечами и сосредоточенно жую нижнюю губу, продолжая смотреть в спину балансирующей с тяжелым подносом официантки.

Пожалуй, если бы взглядом можно было испепелять, то одежда Смирновой давно бы уже осыпалась прахом к ее аккуратным темно-синим замшевым балеткам с маленьким белым бантом на боку. Но я способностями мага-огневика не обладаю, поэтому мерно раскачиваюсь на стуле и в который раз за день пытаюсь понять, почему меня так сильно злит откровенная неприязнь зазнавшейся отличницы. С явно непомерной гордыней для того, кто работает обслуживающим персоналом.

– Ваш заказ. Приятного аппетита.

Грациозно выплыв из кухни, цедит сквозь зубы Вика, расставляет перед нами посуду и убегает принимать заказ у только что вошедших посетителей. И я, может, и хочу к ней придраться, но кофе в «Карамели», действительно, горячий и терпкий. С красивой нежной пенкой в блестящей чистотой кружке. А вафли моментально тают во рту, стоит лишь откусить небольшой кусок.

– Было вкусно. Сдачу оставь себе, – снова обжигаюсь огнем зеленых омутов, когда Смирнова возвращается, чтобы забрать пустые тарелки и удивленно выгибаю бровь, напарываясь на совсем уж неожиданное.

– Мне не нужна твоя милостыня, – произносит она твердо и ухмыляется. Правда, чувствует, что ходит по тонкой грани, разворачивается до того, как я успеваю что-то произнести, и быстренько ретируется. Оставляя меня наедине с опаляющей внутренности досадой и довольно скалящимся Веселовским, подкидывающим поленьев в разгорающийся костер.

– Теряешь сноровку, Потап, – нагло топчется по моей гордости не в меру болтливый Пашка, а я не могу сообразить, что бесит больше. Ехидца в его звонком заливином голосе или Викина выходка, задевшая уязвленная самолюбие.

– Ни фиги. Забьемся? – сам не понимаю, что именно толкает меня на опрометчивое пари, но слова падают между нами с Веселовским булыжниками, а мозг отчаянно не успевает за развязавшимся языком. – Спорим, через два месяца Смирнова будет моей?

– Сопливые поцелуйчики не в счет, – проникшись азартом, оживляется Пашка и подается вперед в предвкушении чумового развлечения. – Постель.

– Постель, – выдавливаю с нажимом и шарахаю ладонью по протянутой ладони друга.

Я не умею вовремя давать заднюю и отступать, о чем Веселовский прекрасно осведомлен. Он не раз подначивал меня на сумасшедшие споры и убийственные вызовы, а потом вместе со мной разгребал их последствия.

Прочесав пятерней шевелюру, я медленно расстегиваю ремешок часов и, поколебавшись, кладу их на стол рядом с пузатой банкой для чаевых. Усиленно тру переносицу, откидываю голову назад и улыбаюсь шальной, полубезумной улыбкой, пугая замершего с чеком в руках приятеля.

– Один-ноль, Виктория, один-ноль, – бормочу еле слышно и снова ерошу уложенные до состояния идеального беспорядка волосы, после чего стискиваю пальцами ворот рубашки. – Пока что, в твою пользу.

Я знаю, что Вика никогда не присвоит чужого. Поэтому не сомневаюсь, что она сама найдет меня в универе, чтобы вернуть собственность.

Глава 4

Вика

*Можно жить без друзей,
но нельзя без соседей.*

(с) Томас Фуллер.

– Не спать, Вика! Не спать.

Я сижу на старенькой поскрипывающей табуретке в темной кухоньке и разве что не вставляю в глаза спички. Помешиваю остывающий какао и дожидаясь девчонок с гулянки.

Я знаю, что поутру буду тереть будто засыпанные песком покрасневшие и припухшие веки, но упрямо не ложусь в одиночестве – так уж у нас заведено. Колючая Ольга Никитина и добродушная Милка Курочкина не раз и не два куковали до рассвета, пока я не возвращалась с поздней смены. Клевали носами, упражнялись в искусстве ведения морского боя, но упрямо несли караул.

– Ну, наконец-то.

Радостно выдыхаю я и слышу, как чьи-то непослушные пальцы просовывают в замочную скважину ключ. Морщусь от разрубающего тишину металлического лязга и очень надеюсь, что соседи не станут жаловаться на нас хозяевам квартиры, которую мы снимаем.

– Голодные, наверное, пришли.

Бормочу себе под нос, поднимаюсь со стула и топаю к шкафчикам – доставать ингредиенты для столь любимого нами имбирного чая с мятой, лимоном и медом.

Под него у нас проходят задушевные разговоры, выливаются откровения и строятся планы по захвату мира. Ну, или по получению зачета у преподавателя повышенной вредности Аркадия Павловича, пытающегося втемашить в наши глупые головы основы предпринимательской деятельности. На занятиях он постоянно хмурится и пыхтит, как паровоз, когда кто-то из несчастных студюзовцов умудряется захрапеть на последней паре, навевающей сладкий здоровый сон вкупе с монотонным голосом лектора.

– Вичка, встречай!

Первой в маленький коридор вваливается Милка – невысокая полненькая брюнетка с круглым личиком, обрамленным мелкими выющимися кудряшками, достающими ей до плеч. И пока эта в меру упитанная, лучащаяся неистребляемым позитивом девушка сбрасывает чернокрасные босоножки на огромной платформе, я пытаюсь сообразить, из какого павлина она выдернула потрепанное ярко-розовое перо и откуда в рок-баре взялась гавайская гирлянда из пестрых искусственных цветов.

– Мила? – тяну я опасно и начинаю подозревать неугомонную соседку в налете на магазин интересных вещей и необычных подарков.

– Все нормально, никто из однокурсников не пострадал, – отчитывается Ольга, коротко хохотнув, и отбрасывает прилипшие к шее густые длинные волосы каштанового цвета с едва различимым рыжеватым отливом.

– Фух, – я выдыхаю с явным облегчением и заговорщически подмигиваю Оле, роняя. – Неужто всем симпатичным индивидам мужского пола удалось уйти с вечеринки безнаказанными?

– Да ну вас! – в ответ на мой подкол, обиженно фырает пышечка и бочком протискивается в кухню. Пробирается к стратегически важному объекту – холодильнику.

– Мила!

Кричим мы с Никитиной отрепетированным и доведенным почти до совершенства хором, вынуждая проштрафившуюся девушку бухнуться в кресло без законной добычи.

– Что, Мила? – Курочкина надувается, как мышь на крупу и обиженно сопит.

Сколько мы ее знаем, она постоянно изнуряет себя то кефирными, то апельсиновыми диетами. Срывается стабильно раз в месяц и заедает расстройство по этому поводу тремя эклерами с заварным кремом.

– Чая-то хоть нальете, изверги?

– Нальем.

Снова выдаем в унисон и делим обязанности. Я разливаю по кружкам терпкую горячую жидкость, Оля режет лимон. А вот пирожные из холодильника не достаем.

Позавчера мы пообещали Милке рубить на корню любые поползновения ее фигуры урвать чего-нибудь сладенького и свято держим данное слово.

Тишина, опустившаяся на комнату, длится не долго – ровно тридцать секунд. А потом Миленка не выдерживает и выпаливает на одном дыхании.

– Ты такое шоу пропустила! Семенова договорилась с диджеем, залезла на барную стойку и в микрофон обозвала Потапова козлом и бабником. Обещала отомстить ему и той девке, на которую он ее променял. Представляешь?

– Такая она, наша элита. Коренные москвичи, славная история рода.

Мысленно нарисовав творившуюся в клубе феерию, я зачерпываю ложкой полупрозрачный липовый мед с янтарным оттенком и залиvisto смеюсь. Вспоминая, как амбициозная Леночка кичилась подаренной на восемнадцатилетие квартирой на Покровке и обширными связями состоятельных родителей.

– Зря старалась, болезная, – хмыкает Оля и пожимает заостренными плечами с вязью татуировок на них, разливая остатки ароматного напитка. – Потапов, кстати, так и не объявился. Что очень и очень странно. Раньше он не пропускал такие тусовки.

Выдыхаю тихо. На Олины реплики не реагирую. Я знаю наверняка, где мажор провел, по крайней мере, первую часть вечера, и не считаю нужным делиться с подругами этим знанием. С них станется привязать меня к стулу и подвергнуть изощренному допросу с применением пыток.

Так что я считаю за благо уткнуться носом в кружку и притвориться, что внимательно изучаю ее содержимое на предмет возникновения в несчастной посудине новой цивилизации.

– В «Бункере» стриптиз не жалуют, – не желая менять тему разговора, невозмутимо брякает Милка и снова косится в сторону вожака холодильника, плотоядно облизываясь. – Не удивлюсь, если Потапов с Веселовским нашли место, где есть раздетые девочки погорячее.

Такой подставы от легкомысленной Курочкиной я не ожидаю. Мое богатое и ни разу не скромное воображение живо рисует картинку, где персонал нашей «Карамели» по очереди извивается вокруг воображаемого шеста в центре зала, так что чаем я давлюсь громко и со спецэффектами. Закашливаюсь, глотая ртом воздух, и натываюсь на выразительные взгляды девчонок.

– Вика, – ласково зовет меня Оля, постукивая недлинными бежевыми ноготками по столу и щурится. И вроде бы столько доброты в ее ясных широко распахнутых глазах, что чувствуешь себя маленьким беспомощным кроликом рядом с хитрым опасным удавом. – А ты ничего нам рассказать не хочешь?

– Неа, это ты завтра выходная, а мне через четыре часа на пары. Спокойной ночи.

Открещиваюсь от всего сразу я и отрицательно машу головой. Вскливаю со стула, сгущаю чашку с блюдцем в раковину и нагло ретируюсь в комнату, где живем мы с Милкой.

Олька на правах единственной, у кого налажена личная жизнь, занимает спальню, чтобы в случае чего уединиться там с Игнатом. Шикарным мускулистым брюнетом под два метра

ростом, учащимся на последнем курсе магистратуры и готовящимся занять непыльную должность в одном весьма интересном ведомстве.

Оставив девчонок без сказки на ночь, я ныряю под одеяло и четко осознаю, что встать без отряда некромантов по мою грешную душу завтра будет очень и очень сложно. Организм истошно кричит, что ему необходимо не меньше двенадцати часов сна кряду, а лучше и все двадцать четыре, чем я порадовать его никак не могу.

Так что длинно, сладко зеваю и, перед тем как провалиться в вожденную дрему, глажу указательным пальцем циферблат увесистых металлических часов, впопыхах надетых на запястье.

– Надо обязательно вернуть вас хозяину.

Крутится в мозгу правильная мысль, а вместе с ней мелькает неотступное подозрение. Не удивлюсь, если Егор оставил часы в кафе нарочно, вынуждая столкнуться с ним, не важно, хочу я того или нет.

Глава 5

Егор

– Ты тоже учишься в университете?

– Мы живем здесь, едим здесь, но никто ещё

не обвинял нас в том, что мы здесь учимся.

(с) к/ф «Цвет шафрана».

– Ты где?

– В универе. Где же еще, – я морщусь от покровительственных интонаций в батином голосе и перевожу звонок на видеосвязь. Демонстрирую отцу стены родной альма матер, после чего отключаю изображение.

– Надо же. Не проспал как обычно.

– Удивлен?

– Конечно. Еще одна претензия от декана, и я заблокирую твою карту.

– Ты обещал это сделать еще год назад.

– И сделаю, если будешь огрызаться, – нудит батя и прощается, отваливая на какое-то важное совещание.

Я же засовываю мобильный в карман и любуюсь на своего железного коня.

Ярко-синий, ультрамариновый кузов спортивной ауди поблескивает на солнце новой свежей краской, и ни единая царапина, ни единая вмятина больше не напоминает о том, что хозяин авто – нерадивый, безалаберный балбес. Решивший ценой крыла любимой ласточки выиграть очередной спор. Безрассудный, глупый и в общем-то никому не нужный. Кроме, разве что, меня.

Я тащусь от любого пари и не умею проигрывать. Совершенно. Даже если обстоятельства против и грозят швырнуть под асфальтоукладчик, я всегда ухитряюсь извернуться. Ну а то, что победе неизбежно сопутствуют жертвы, вряд ли хоть каплю меня волнует.

– Месяц. Много. Интересно, управлюсь за пару недель?

Гадаю, расслабленно прислонившись к капоту, и смеживаю слегка подрагивающие веки. Поглаживаю пальцами массивные рельефные линии железного зверя и отрешаюсь от ненаписанного доклада, за который даже не брался. Игнорирую звонок, две минуты назад возвестивший о начале первой пары, потому что не планирую на нее идти.

Вероятно, я бы и вовсе пропустил сегодня учебу, если бы не острое желание нажать на спусковой крючок и дать старт грядущему развлечению.

– Отличница. Заучка. Заноза. У тебя-то хоть парень когда-нибудь был?

Облизываю обветренные губы и прикидываю, как подступиться к новой цели, когда эта самая цель влетает во внутренний дворик университета.

С увесистым черным рюкзаком с десяткой, а то и двадцаткой разноцветных значков самых невообразимых форм и размеров на нем. В темно-синих джинсах, такого же цвета куртке, расстегнутой и закатанной по локоть, в черном топе с аккуратным треугольным вырезом, Смирнова неумолимо наращивает скорость. Лихо перепрыгивает через оставшиеся после «высококачественного» ремонта тротуарной плитки ямки и выбоины и свободной рукой пытается собрать густые роскошные волосы в пучок.

И то ли я за три года обучения так сильно привык к неприметно-серому образу, не допуская мысли, что Смирнова может быть красивой. По-настоящему красивой. Что не обращал на нее внимания из-за более броских представительниц универсской фауны, обвешанных модными «Пандорой» и «Сваровски». То ли Вика похорошела за прошедшее лето настолько, что теперь я готов признать: пари из обыкновенного обязательства грозит перерасти в нечто более занимательное.

– Вау.

Тряхнув головой, я свыкаюсь с новыми чудными мыслями и неторопливо отлепляюсь от автомобиля, напоследок пробежавшись пальцами по шестиугольной радиаторной решетке. Вызывая у столпившихся неподалеку первокурсников множественные восхищенные вздохи и неконтролируемое слюноотделение при виде потрясающего сочетания силы, мощи и агрессии.

– Восьмиступенчатая коробка передач!

– Четыреста пятьдесят лошадей под капотом!

– Машина – зверь! – авторитетно подытоживает невысокий брюнет в расстегнутой на несколько верхних пуговиц коралловой рубашке, заправленной в слишком узкие джинсы, и звонко свистит.

«Лучше б вы так теорию штудировали», – беззвучно буркнув себе под нос, я оставляю за спиной горячо обсуждающих достоинства ауди первогодок и ныряю в высокую каменную арку. Чтобы через пару минут приветственно помахать укоризненно вззирающему на меня охраннику и двинуться к ближайшему кофейному аппарату, снабжающему обучающихся бурдой, лишь отдаленно напоминающей ароматный крепкий напиток, сваренный из только что смолотых зерен.

– Потап! – окрик вонзается в барабанные перепонки, а тяжелая клешня ложится на плечо, каким-то чудом не заставляя меня выпустить из рук коричневый пластиковый стаканчик с молочной пенной шапкой.

– Пашка, блин! Я на тебя колокольчик повешу, – в который раз обещаю обиженно сопящему другу и мощусь на подоконнике – допивать утреннюю дозу радости сомнительного качества и ждать начала следующей пары.

– Потап!

Не умеющий долго дуться Пашка не оставляет попыток меня расшевелить. А я обреченно кошусь на это неунывающее чудовище, непоколебимое в извечном желании достать меня до печенок.

Признаться честно, Веселовский действует на мои нервы похлеще, чем домоправительница отца Клавдия Рудольфовна. Построившая горничную, повара, садовника, двух кошек-британок и даже своенравного питбуля Рамзеса, но обломавшая острые ядовитые зубы о непутевого сына Потапова Николая Леонтьевича, то есть меня.

– А давай ты мне свою ласточку сразу отдашь, а? Я всего-то неделю на ней погоняю и верну в целости и сохранности.

– Чего-о-о?

– Того! – передразнивает мои интонации Пашка и радостно скалится. – Ты все равно не выиграешь это пари.

Давлюсь кислородом на выдохе и сильно сжимаю стаканчик, расплескивая кофе на пол. Здравый смысл вкупе с безграничной любовью к верному средству передвижения в унисон противятся такому кощунственному предложению и вынуждают меня скептически шуриться. Ну, а дерзкий азарт так и вовсе кипятит горячую кровь, подталкивая к скорейшим активным действиям.

Благо, знакомый затылок мелькает в толпе высыпавших из аудитории одноклассников и притягивает к себе взгляд цепких глаз. Заставляя меня резко соскочивать с насиженного места, пихать недоумевающему Веселовскому стаканчик с остатками ванильного капучино (по

крайней мере, так гласит полустертая выцветшая наклейка на автомате) и, расталкивая нерасторопных студюзов, мчатся в погоне за Смирновой в другой класс.

Чтобы усесться позади нее. За вечно пустующую вторую парту, вопреки укоренившейся привычке подниматься на тесно забитую такими же троечниками и прогульщиками, как я сам, галерку.

Эдакий образчик примерной девочки и всезнающей зубрилки, Вика не сошлась ни с кем из потока, будучи принципиальной в вопросах списывания и подготовки домашнего задания. Смирнову не любят за ее резкие высказывания, завидуют налаженному контакту с большинством из преподавателей и осуждают. За идеально выполненную контрольную, за аккуратно сложенную на углу стопку из тетрадей и методических пособий, за слишком простой прикид и, конечно, за отсутствие на всех универских тусовках.

Правда, Смирнову это мало заботит. Она с грацией королевы занимает свой островок отчуждения и тщательно конспектирует преподносимый лектором материал, не обращая внимания на сверлящие спину неприязненные взгляды и злобные шепотки.

– Привет, Вик. Есть запасная ручка?

Вынырнув из раздумий, я дотрагиваюсь до предплечья Смирновой. Вздогнув от моего прикосновения, она резко оборачивается и прикладывает коленом о нижнюю крышку стола. Шипит, потирая ушибленную конечность, и недобро на меня смотрит.

Я же строю невинную моську и усиленно делаю вид, что не имею никакого отношения к ее злоключениям.

– Сгинь, нечистая, – оставив конечность в покое, бурчит Смирнова и на всякий случай меня крестит. – Не сгинешь, да?

Не выдерживаю. Хмыкаю, сжевивая в кулак смехок. Наблюдать за ее безуспешными потугами с подчеркнутым удовольствием. Вика такая взъершенная и колючая, что я сам не замечаю, как губы невольно расплзаются в широкой улыбке, а пальцы сами тянутся вперед и щелкают по носу замершую девчонку.

Пожалуй, в это мгновение она пытается решить то ли казнить неугодного, то ли все-таки поделиться имеющейся в запасе канцелярской принадлежностью. И хорошо, что человеколюбия в Виктории достаточно, чтобы не бросить ближнего на произвол судьбы в лице строгой Анны Львовны, всплывающей в кабинет и одним своим появлением прекращающей все разговоры.

– Потапов, вы соизволили почтить присутствием мою пару. Чудесно, с вас и начнем опрос, – низкорослая шатенка раскрывает журнал и улыбается так хищно, что Вика ежится. Я же моментально теряю ребячливую беспечность и готовлюсь на ходу придумывать причину, по которой не выполнил домашнее задание.

Глава 6

Вика

– Если бы я была вашей женой, Уинстон,

то подсытала бы вам яд в кофе.

– А если бы я был вашим мужем, то выпил бы его.

(с) Уинстон Черчилль и Ненси Астор.

– Спокойно, Вика. Это все сон. Потапова здесь нет. Он призрак, невидимка, ничто. Едва слышно шепчу под нос, но убедить себя не удастся.

Вдох. Выдох. Концентрация. Фигово у меня с индийскими практиками.

Уйти в блаженную нирвану не получается, какие бы титанические усилия я не прикладывала. Волнение мощной волной шпарит по венам, а глаза то и дело цепляют фыркающую Леночку, показательно закидывающую нога на ногу.

Признанная красавица, Семенова нарочито скромно одергивает неприлично короткую кожаную юбку, апогей безвкусицы, как по мне, и призывно облизывает покрытые перламутровым матовым блеском губы. Жаль только Потапов ее стараний упорно не замечает, вперившись взглядом в мою сторбленную спину.

От его навязчивого внимания сердце бьется чуть быстрее, чем обычно, кислорода в легкие поступает чуть меньше, чем нужно, ну, а противные мурашки прочно обосновываются в излюбленном месте.

Пробегаются от лопаток до поясницы и обратно, и не хило так отвлекают от мирских забот и от подброшенной Анной Львовной задачки, которая не решается от слова совсем. Так что я сосредоточенно кусаю кончик ручки и в четвертый раз перечеркиваю написанное, возвращаясь к началу. Только вот правильный ответ и не думает маячить на горизонте.

– Вот же подстава!

Гипнотизирую кривые формулы и слишком сильно давлю на острый стержень, царапающий тонкую бумагу и в итоге прорывающий ее. От неосторожного движения хочется взвыть. Белугой, волком, сиреной, в конце концов. Жалуюсь на несправедливость жизни вообще и на мешающее сосредоточиться соседство, в частности.

Временно принимая поражение, я роняю голову на руки и прячусь там от не желающих сдаться на милость мне злобных циферок. Тихо всхлипываю и закусываю нижнюю губу, когда чужие пальцы осторожно проходятся по волосам.

Они растрепывают пряди и ласкают, вызывая напряженное томление, спускающееся от груди к низу живота, да так там и оседающее. Неопознанная (да я до последнего тяну с идентификацией личности ее владельца) конечность повторяет маневр и на этот раз задерживается на шее. Надавливает на затекшие от неподвижной позы мышцы и разминает их, вынуждая на пару коротких минут поддаться слабости и раствориться в моменте.

– Смирнова, – горячий шепот обжигает ухо, согревает кожу и окончательно дезориентирует млеющую от умелых точечных прикосновений меня. – У тебя условие записано не верно.

И, хоть я шиплю, как заправская королевская кобра на охоте, поминая добрым словом родню Потапова вплоть до седьмого колена, он не планирует отстраняться. Только ладонь убирает, во избежание утери последней, и наклоняется вперед, вроде бы ненароком задевая мое

плечо и обдавая пряным горько-сладким ароматом. Дразнящим и дурманящим, обволакивающим и проникающим в кровь.

– Вот здесь, – Егор авторитетно тычет пальцем в ошибку и торжествующе улыбается, подмигивая: – не стоит благодарности.

Дар речи от его чистой, не замутненной угрызениями совести наглости пропадает совершенно. И я только и могу, что открывать и закрывать рот, не находя ни одного подходящего комментария, пока самодовольный блондин вскакивает со скамьи и начинает вальяжно спускаться по лестнице.

И, пока я растерянно хлопаю ресницами, Потапов собирает восхищенные взгляды доброй половины аудитории и не реагирует на Семенову, роняющую в проход карандаш и нелепо изгибающуюся в попытке его достать. Насвистывает мотивчик из «Розовой пантеры» и беззаботно ерошит и так находящиеся в художественном беспорядке пепельные волосы.

И я отвлекаюсь на идеальное в своем нарциссизме дефиле настолько, что забываю о том, что бережно завернутые в замшевый мешочек часы с характерной царапиной на корпусе лежат на дне рюкзака и послушно ждут своего часа.

– Черт!

Выбравшись из-за парты, я на лету подхватываю рюкзак и чудом не задеваю им мечтательную физиономию Леночки. Стремительно скатываюсь по ступеням и намереваюсь вернуть безалаберному владельцу забытую в «Карамели» вещь.

– Потапов!

«Любимого» одноклассника нагоняю у входа и внезапно лишаюсь дара речи. По неведомой моему, видимо, нездоровому сознанию причине упуская тот момент, когда меня успевают приобнять, придвинуть к теплоте боку, чмокнуть в затылок и потащить в центр зала под ахи и охи изумленной публики.

Публика, кстати, привыкла наблюдать за холодным отчуждением и старательным игнором, либо потоком взаимных обвинений и красочных проклятий, изрыгаемых отличницей Смирновой и троечником Потаповым. Поэтому сейчас неистовствует и готовится снимать шоу на телефоны.

– Не бойся. Я не кусаюсь.

Роняет Егор, подталкивая меня к свободному столику, и осторожно гладит по голове, словно добросовестно сделавшего домашку ребенка, когда я нерешительно опускаюсь на коричневый стул с мягким сидением и деревянной овальной спинкой.

– Чай, кофе, колу?

– Не надо ничего.

– Понятно.

Проигнорировав мой ответ, Потап уносится к огромной очереди с извивающимся хвостом, огибающим серую мраморную колонну, и без зазрения совести втискивается между кассой и опешившей девчонкой с двумя французскими косами пшеничного цвета.

– Иди в конец! Тебя здесь не было!

– Брось. Я за ним занимал.

Не сдавая позиций, ругается Егор, а я тру переносицу и жмурюсь, надеясь, что все произошедшее лишь глупый сон и никакой Потапов вовсе не торопится ко мне с нагруженным разными вкусностями подносом. Грозю превратить мою тушку в жертву номер один для толпы его оголтелых поклонниц, фанаток, фетишистов и прочих затейниц, рисующих углем пентаграммы, проводящих кровавые ритуалы призыва высших демонов, лишь бы урвать кусочек внимания «золотого» мальчика.

– Спасибо, я не хочу.

Вынырнув из живописных фантазий, я посматриваю сквозь ресницы на отчего-то присмившего парня, расположившегося напротив, и отрицательно мотаю головой. И мой веж-

ливый отказ можно назвать гордым, если бы не громко урчащий подлый желудок. Во всеуслышание заявивший, что его хозяйка голодна и на самом деле не прочь подкрепиться.

– Давай. Ешь уже.

Удержавшись от традиционных подколов, Егор понимающе улыбается и пододвигает ко мне клубничный молочный коктейль и темный бисквит. Пропитанный нежнейшим сметанным кремом десерт обильно полит жидким шоколадом и манит скорее положить на язык это лакомство с прослойкой из измельчённых орехов и кусочков ананаса.

Отказаться ни шанса!

– Контрольная, курсовая, диплом? – глубоко вдохнув, я перечисляю наиболее вероятные причины для повышенного интереса к моей скромной персоне со стороны Потапова. Неспешно потягиваю густой напиток через соломинку и бесстрашно встречаюсь с нечитаемым взглядом потемневших серых глаз. – Взятка?

– Мимо, – обиженно буркает парень, вгрызаясь в гамбургер, и запивает его ледяной кока-колой. Выдерживает почти театральную паузу и продолжает совсем уж неожиданным: – Смирнова, а что, если я приглашу тебя на свидание?

Скажи сам ректор, что мою кандидатуру выбрали для программы обмена студентов с Канадой, степень ошеломления была бы и то меньше. Так что я давлюсь десертом, закашливаюсь и укоризненно зыркаю на явно потешающегося надо мной Потапова. Не в силах перебарывать еще более сюрреалистичное:

– Сегодня.

В искренность, бескорыстие и прочие не свойственные Егору качества я бы не поверила, даже если бы находилась в горячечном бреде, вызванном африканской лихорадкой Эболой. Поэтому отбиваю по столешнице бравурную барабанную дробь и переключаюсь на кусок торта – не отберут же его за мою вредность, в конце-то концов.

– Вика, – не собираясь оставлять меня в покое, нетерпеливо зовет Потапов и вопросительно выгибает бровь, исполняя излюбленный прием всех студиозусов: строит умильную мордашку, способную разжалобить даже самых черствых сердцем преподавателей нашего храма знаний. Но не меня.

– Нет, – отрезаю коротко, шугнув взметнувшихся в животе бабочек, и возвращаю все внимание кондитерскому изделию, игнорируя хмурое выражение на лице собеседника.

– Почему?

Не собирается сдаваться Егор, а я, наконец, понимаю Максима Петровича Литбермана, все-таки поставившего Потапову в прошлом семестре зачет. Если бы Егор с таким же тщанием и усердием доставал меня на протяжении месяца, я бы сочла за благо избавиться от набившей оскомину физиономии троечника, а то, не дай бог, уйдет в академ и будет глаза мозолить лишний год.

– У меня вечерняя смена.

Говорю отрешенно, умалчивая о том, что в этот напряженный график два через два, перемежаемый с учебой, я с трудом втискиваю не слишком богатую на события личную жизнь. Зачастую, поход на свидание заканчивается, еще не успев начаться – на уютной небольшой кровати, лицом в мягкую подушку в черной с оранжевыми апельсинами наволочке.

– Прогуляй, – беспечно предлагает Потапов, перегнувшись через стол, и большим пальцем убирает с моих перепачканных губ остатки шоколада. Заставляя меня подпрыгнуть вместе со стулом, отодвинуться на безопасное расстояние и спрятать подрагивающие руки в карманах старенькой, ни разу не дизайнерской куртки, купленной по акции в одном из недорогих бутиков в торговом центре неподалеку от дома.

– У меня нет родителей-миллионеров, которые бы оплачивали обучение. Нет важных знакомых, которые, по мановению волшебной палочки, закрывали бы долги и продляли сес-

сию. Я сама зарабатываю на комнату в съемной квартире, на учебники, еду, одежду и не могу позволить себе лишние отработки и пропуски, представляешь?

Высекаю резковато и складываю руки на груди. Напоминаю, в первую очередь, даже не Егору, а самой себе, что мы с разных планет. На его Марсе достаточно денег и связей, чтобы любая проблема растворилась в одно мгновение, на моей же Венере каждая мелочь достается упорным и кропотливым трудом.

Только для Потапа это слабенький аргумент.

– Вика! Да хоть раз попробуй нарушить свои дурацкие правила и убедись, что мир от этого не разрушится! – пылит Потапов, а я против воли начинаю любоваться серыми омутами, полыхающими огнем уверенности, учащенно вздымающейся грудью и мощными плечами, ширину которых я не замечала раньше.

Его бы сейчас, да на броневик, вершить революцию, спасти судьбы.

– Благодарю за обед. Это, кажется, твое, да?

Поднявшись из-за стола, я вытаскиваю из рюкзака часы и поддвигаю мешочек к Егору. Стараюсь не касаться его пальцев и не слишком глазеть на красивые ровно очерченные губы. Чересчур быстро устремляюсь к выходу из столовой и не оборачиваюсь, как мантру, твердя: «Он птица не твоего полета».

– Дура ты, Вика.

До туалета добегаю через пару минут, открываю на полную мощность кран и подставляю пылающее лицо под струи холодной воды, остужающие внезапный жар. Недоумеваю, почему мой организм так ярко отреагировал на присутствие Потапова, теплыми чувствами к которому я никогда не отличалась, и радуюсь, что не злоупотребляю косметикой.

Не придется поправлять поплывший макияж.

Между тем, волнение постепенно стихает, оставляя после себя какое-то странное умиротворение, мысли рассыпаются и не хотят соединяться в единый клубок. И я оказываюсь совершенно не готовой к тому, что кто-то бесцеремонно макнет головой в раковину. Вынуждая фыркать и отплеиваться, пока холодные капли скользят за шиворот и насквозь пропитывают копну густых волос.

Сориентировавшись, я-таки сбрасываю с шеи чужую ладонь, выпрямляюсь и разворачиваюсь, встречаясь взглядом с высокомерно ухмыляющейся Леночкой и с неизменными близняшками-подпевалами Ингой и Ирмой у нее за спиной.

– Не смей приближаться к Егору ближе чем на сто метров, поняла? – Семенова нарочито медленно поправляет выбившийся из прически локон и демонстрирует длинные заостренные ногти ярко-красного цвета, пару массивных золотых колец и не красящие ее собственнические замашки: – он мой.

– А Егор-то хоть в курсе?

Вместо того, чтобы сказать, что на Потапова никто в твердом уме и здоровой памяти не претендует, я решаю пройтись по грани и поиграть в отважного тореадора, пусть численный перевес явно не на моей стороне. Просто до одури хочется поставить королеву на место и смахнуть с ее макушки фальшивую корону.

Глава 7

Егор

– *Кто вы?*

– *Мы друзья.*

– *Друзья друг друга в табло*

прикладом не бьют, не кидают

в лодку и не везут черти куда.

– *Только самых близких.*

(с) к/ф «Остаться в живых».

– Свидание. Сегодня.

Повторяю с нажимом и замираю. Меня забавляет, как сосредоточенно Вика морщит маленький аккуратный нос, пытаясь отгадать причину внезапного потепления наших отношений. Как стягивает черную резинку с высокого хвоста и неосознанно зарывается пальцами в рассыпавшиеся по плечам волосы цвета темного шоколада. С каким воодушевлением отщипывает кусок бисквита и отправляет его в приоткрытый хорошенький рот, забывая облизать с губ сладкую глазурь.

А уж как смешно Смирнова подпрыгнула вместе со стулом, когда я нарочно залез в ее личное пространство, с грацией медведя потоптавшись по выставленным границам. Загляде-
нье!

– Я не могу себе позволить лишние пропуски и отработки, представляешь?

Горячечно тарабанит Вика, а я чувствую, как азарт, незамутненный, безудержный, безрассудный, будоражит кровь. Заставляет подмечать созвездие из родинок на правой ключице, то, как хмурится Вика, изредка потирая левое запястье, и то, как сильно ей идет улыбка. Не привычно едкая и саркастичная, а мягкая, едва уловимая, согревающая теплом светло-зеленые глаза, с интересом изучающие мою персону сквозь тонкие стекла стильных очков.

Ровно на секунду мне даже подумалось, что Смирнова с легкостью могла бы использовать свою внешность в качестве оружия массового поражения самых притязательных мужчин. Каталась бы сейчас с каким-нибудь богатеем на мерине, запивала клубнику шампанским в джакузи номера «люкс» и не знала бы бед, ведь все при ней. И стройная фигурка с аппетитными округлостями, и миловидное личико, и гладкая ровная кожа, без постороннего вмешательства хирургов и косметологов.

Но Вику не назовешь содержанкой. Врожденная гордость исправно толкает девчонку на работу и спозаранку поднимает на пары, не позволяя манкировать своими обязанностями. Чтобы не прогибаться под сильных и успешных, оставаясь самостоятельной и независимой. И, несмотря на ряд сложившихся и прочно устоявшихся стереотипов и имевшие место стычки, я немного ей завидую и уж точно не откажу в уважении.

– Благодарю за обед. Это, кажется, твое, да?

Отвлекаюсь на опускающиеся на стол часы и не успеваю поймать Смирнову за запястье, а потом и вовсе прощаюсь с надеждой догнать беглянку, вздрагивая от громкого окрика.

– Пота-а-ап!

Возникшее у меня на пути препятствие улыбається во все тридцать два зуба, сияет, как начищенная монета, и загорает узкий проход между столиками. Источая непрошибаемый оптимизм, от которого моментально хочется утопить жизнерадостного приятеля в ближайшем водоеме или прикопать в студенческом парке, без суда и следствия, так сказать.

– Веселый, – обреченно тяну я и глубоко вздыхаю, желая приложиться головой обо что-то крепкое, металлическое. Щурюсь, прикидываю что-то в уме и заключаю: – Слушай, иногда мне кажется, даже если я лягу в гроб, ну так, чтобы просто отдохнуть, замуруюсь изнутри, заколочусь снаружи, ты меня все равно достанешь...

– Посвят перваков. В «Метле». Через три недели, – игнорируя мою кислую физиономию, восклицает Пашка, размахивая красочными флаерами, и чуть ли не причмокивает от открывающихся перспектив: – халявная выпивка!

– Такого отвратного качества, что наутро голова будет трещать как битое стекло? Спасибо, я пас, – выхватываю у друга буклеты, чтобы отправить их в урну, и хмыкаю, ни на йоту не разделяя чужого энтузиазма.

– Откуда столько занудства? – Веселовский обходит меня кругом, пытается пощупать лоб, но тут же нарывается на тушащий его пыл шлепок, после чего авторитетно озвучивает диагноз: – тебя Смирнова, что ли, покусала?

– Еще одно слово, и...

Намеренно даю простор чужой фантазии, обрывая ее на середине. Я в принципе никогда не отличался большим терпением, а сегодня запасы недостающего качества и вовсе устремились к минус бесконечности, грозя Пашке очередным увесистым подзатыльником.

– Понял – не дурак, дурак бы не понял, – сдается Веселовский, вскидывая руки вверх и провожает меня цитатой из подаренного мною же томика. – Теперь беги: блеск утра все румяней. Румяней день, и все черней прощанье.

– Знал бы, что ты не то что оценишь шутку, а зачитаешь до дыр шекспировскую трагедию и заучишь ее наизусть, подарил бы тебе «Войну и мир» или «Преступление и наказание».

Всерьез вознамерившись купить другу что-то из «серьезной» литературы, Я выскакиваю в коридор и ловлю врезавшуюся в меня Анну Львовну вместе со сделавшем в воздухе кульбит журналом. Аккуратно ставлю преподавательницу на пол, ничуть не смущаясь, озорно ей подмигиваю, пока она одергивает строгое синее платье в мелкий белый цветочек, и исчезаю с места происшествия. Чтобы, завернув за угол, нос к носу столкнуться с Викторией, пытающейся на ходу отжать мокрые волосы.

– Смирнова, ты ничего не перепутала? – поддеваю девушку, с долей удовольствия разглядывая влажный топ, прильнувший к телу и явственно облепивший его изгибы, и добавляю. – Физ-ра по расписанию в пятницу. Сегодня у нас нет плавания.

– Потапов, соблюдай, пожалуйста, дистанцию, – выставив ладони вперед, Вика на корню рубит мои попытки приблизиться, меряет меня снисходительным взглядом и гордо удаляется, бросив через спину: – хватило мне купания в раковине из-за тебя, кстати. Благодарю покорно.

И, в то время как я пытаюсь сообразить, какое отношение имею к внезапным водным процедурам, на горизонте появляется Леночка. Стильная, в кипенно-белом пиджаке, такого же цвета ультракоротких шортах, и как только ее пропустила внутрь доблестная охрана уважаемого учебного заведения.

Ее туфли-лодочки с неизменными каблучищами, звонко цокают, заранее предупреждая прохожих о приближении первой красавицы потока и заставляя расступаться первокурсников, теряющих папки, челюсти и остатки мозгов при виде Семеновой. Меня же весь этот пафос с каких-то пор бесит.

Тем не менее, довольная произведенным эффектом, девушка грациозно подплывает ко мне, пробегается пальцами с угрожающим кроваво-красным маникюром по груди и, облизав полные губы, ядовито спрашивает.

– Новую игрушку нашел? – под бурные перешептывания близняшек Леночка внимательно осматривает ногти и недовольно фыркает, обнаружив микроскопический скол на мизинце. Я же категорически отказываюсь вестись на провокации и заявляю с флегматичным спокойствием самого Будды.

– Не твое дело.

– Егорка, а ты случайно рассудком не повредился? Да ты же рядом с ней на второй день сдохнешь от скуки.

Уверенная в своей правоте и неотразимости, Семенова пытается до меня достучаться. Ее низкий грудной голос сочится притворной жалостью, может, и вводя кого в заблуждение, но меня оставляет бесстрастным и безразличным. Так что я недоуменно выгибаю правую бровь, засовываю большие пальцы за пояс джинс и своей невозмутимостью заставляю Семенову снять дружелюбную маску и криво усмехнуться.

– Лена. Не лезь.

Обращаюсь вроде бы тихо, размеренно. Только Леночку от моих предупреждающих интонаций колотит крупной дрожью и окатывает паникой, словно ушатом колодезной воды. В общем, приоткрывшийся для очередной гадости рот стремительно захлопывается, и ни единого звука больше не вылетает наружу.

Глава 8

Вика

Ватрушка – лучшее девичье утешение.

А с леденцами и жизнь краше становится.

(с) «Внучка берендеева в чародейской академии»,

Карина Демина.

– С такими, как Потапов, лучше не связываться.

Бурчу себе под нос и поглядываю на балкон. Там сохнут мокрые топ вместе с курткой. А я, переодевшись в теплую пижаму с недовольной, вечно не высыпающей (точь-в-точь как моя несчастная тушка) соевой на груди, грею руки о большую ярко-оранжевую кружку. Неспешно потягиваю крепкий черный чай с бергамотом и чайной ложкой густого травяного бальзама и очень надеюсь не заболеть после взбодрившего, а заодно и напомнившего о месте в пищевой цепочке душа.

– Да он же... – сидящая напротив Милка вторит нестройным эхом, задыхаясь от переизбытка чувств, и даже теряется, подбирая подходящий эпитет, зато я за словом в карман не лезу.

– Глобальная термоядерная катастрофа? Проблема мирового масштаба? Ноль, возведенный в квадрат? – Курочкина глубоко вздыхает, не разделяя радикальных взглядов, и явно считает меня городской сумасшедшей, невесть как сбежавшей из-под надзора санитаров.

– Вика, ты его фигуру видела? – Миленка возводит небесно-голубые очи к требующему косметического ремонта потолку, а я боюсь уточнить, при каких обстоятельствах подруга могла оценить по достоинству телосложение Потапова. – Какие плечи? А пресс? Да он из зала стопудова не вылезает!

– Да обычная фигура, – я отмахиваюсь от Милки, с упрямством барана не желая соглашаться с очевидным, в принципе, фактом. И вызываю очередную порцию хоть и молчаливого, но весьма выразительного порицания, которое успешно игнорирую. Опасно отклоняюсь назад на колченогом стареньком табурете и балансирую на нем подобно канатоходцу. – Оль, а ты знаешь, что я за твои отбивные продам душу дьяволу?

Никитина, очень редко вступающая с нами в перепалки, колдует у плиты. Солит, перчит, посыпает специями и выкладывает сочные пласты мяса на сковородку. Отчего по кухне плывет такой одуряющий аромат, что не закапать слюной накрытый клеенчатой бело-золотой скатертью стол ну очень сложно. И, пока я силой воли удерживаю себя на месте, дабы раньше времени не покуситься на полупрожаренный кулинарный шедевр, Миленка улучшает момент и тянет загибающие лапки к вазочке с воздушным клубничным зефиром.

– Курочкина! – ей-богу, нашей слаженностью мог проникнуться сам Хор Турецкого, удавиться от зависти и залиться в сторонке горячими слезами. Только наметившей цель и не планировавшей от нее отступить пышечке все нипочем.

– Что, Курочкина? – Милка хватается за щеку и в порыве экстаза оттяпывает от нее больше половины, бормоча с набитым ртом: – может у меня стресс? На фоне беспросветной глупости некоторых личностей. По чистой случайности, на нее обратил внимание самый крутой парень потока. Да куда там, потока – всего универа. А она? Дура ты, Смирнова!

Миленка красноречиво крутит пальцем у виска, описывая масштабы свалившейся на меня радости. Я же скептически хмыкаю и мысленно благодарю Ольку за поддержку.

– По-моему степень крутизны этого индивида очень и очень преувеличена, – заразительно хохотнув, Никитина расставляет перед нами тарелки с до безобразия аппетитными на вид бифштексами с рубиново-красным гранатовым соусом сверху. Заставляющими спорящие стороны на время зарыть топор войны и замолчать, поглощая то ли ранний ужин, то ли поздний обед.

– Нет, я не отрицаю, Егор не лишен привлекательности, – говорю задумчиво, смакуя последний кусочек идеального мяса – у меня такое никогда не получается. Как бы я с ним ни билась, в каком бы маринадах его ни держала и какие бы заклинания ни читала по ходу готовки. – Но я уверена на сто процентов, что ему банально нужна помощь в учебе. Тем более, после того как нас на линейке предупредили о грядущей аккредитации и неминуемых отчислениях.

– Смирнова, Смирнова, – обреченно вздохнув, Миленка роняет голову на подбородок и жалобно смотрит в мои глаза, тщетно ища в них крохи раскаяния. – Вот ты Чехова читаешь, Тургенева любишь, а где жажда романтики-то?

– Это ты у нас, Милка, вроде и взрослая, а до сих пор в сказки веришь, – беззлобно журит Курочкину Оля, нарвавшись на привычные причитания о несправедливости жизни, и лукаво мне подмигивает.

– И в какой очереди я стояла, когда всем принцев раздавали? – не найдя сочувствия, пышечка заводит извечную шарманку, повторяя частенько звучавший в стенах нашей кухоньки сакральный вопрос, и тянется еще за одной порцией мяса.

Я же под шумок ретируюсь и оставляю девчонок шутливо пикироваться, пропуская сто пятидесятую лекцию по психологии от специалиста в области бухгалтерского учета Никитиной. Выскакиваю на лестничный пролет, набираю крейсерскую скорость и буднично проношу мимо сидящих на лавочке старушек, которые потом обязательно назовут меня наркоманкой, потому что не поздоровалась с ними. Выбегаю на освещенный фонарями проспект и огибаю будку с посредственным кофе, в жутком качестве которого я имела несчастье убедиться однажды.

Несмотря на непредвиденные задержки, вроде вцепившегося в мою ногу веселого кудрявого мальчугана, затребовавшего купить киндер-сюрприз и не сразу заметившего, что его мама стоит аккуратно в десяти метрах от нас, в здание кафе я вхожу минута в минуту. Успеваю вовремя принять смену, сверить кассу и даже стать свидетельницей фееричного шоу под названием «Адская кухня». Правда, не с Гордоном Рамзи в главной роли, а с красным, как рак, Петей Назаровым.

Сегодня ему на растерзание отдали невысокую худенькую стажерку в великоватом ей поварском колпаке, из-под которого выглядывает тугая длинная коса светло-русого цвета. Девчонка сосредоточенно смотрит на новоиспеченного босса круглыми темно-кариими глазами, как у того самого олененка из мультфильма, затаив дыхание, внимает каждому слову Петра и разве что не конспектирует его эмоциональную речь, щедро сдобренную непечатными конструкциями. И все вроде бы напоминает обычный день в дурдоме, если бы не шестое чувство. Тихо нашептывающее, что всех нас ждет коварный такой, большой подвох.

– Господин шеф-повар, – от высокопарного обращения Петьку нещадно кривит, ну, а я сдавленно хрюкаю, сдерживая подступающий смех. – А теперь говорить можно?

– Можно, – великодушно разрешает поварских ножей начальник, сковородок командир и зря считает миссию по воспитанию подчиненной выполненной.

– У вас бульон того. Сбежал, – и, уж не знаю, имеет ли девчонка какое-то отношение к произошедшей диверсии, но улыбка стажерки далека от невинной так же, как я – от балета.

Не дожидаясь, пока Петр зайдет на новый виток оскорблений, я выхожу в зал к клиентам. Насвистываю веселый мотивчик и гадаю, неужели нашелся достойный кандидат, способный

выдержать Назарова дольше двух недель. И та же самая пресловутая интуиция подсказывает, что на этот раз ставки явно не в пользу зловредного шефа.

– Здравствуйте, меня зовут Виктория, и сегодня я буду вас обслуживать, – за барной стойкой сидит светловолосый парень, в пике эпохе гаджетов и электронных приложений разгадывающий самый обычный кроссворд. На серой бумаге в самой обычной газете.

Так что, умилившись подобному чуду, я записываю достаточно скромный заказ, и удаляюсь исполнять пожелания клиента. К своему удивлению, обнаружив, что на кухне воцарилась тишина. И непримиримые поначалу враги вполне слаженно работают в четыре руки, изредка переругиваясь. Но это ведь мелочь, правда?

– Я обычно так не делаю, но... – вернувшись с подносом, я растворяюсь в доведенных до автоматизма механических движениях, и не сразу понимаю, чего от меня хотят. Исподлобья пялюсь на того самого посетителя с газетой в руках, и складываю разрозненные буквы в слова. Так, что медленно краснеющему парню приходится повторить заданный минутой ранее вопрос: – я могу попросить твой номер телефона?

Глава 9

Егор

*Может, я и эгоистичная сволочь,
но я никогда этого и не отрицал.*

(с) «После – долго и счастливо», Анна Тод.

– Чертов юбилей. Чертов батя. Чертов костюм.

Откладываю в сторону дурацкий смокинг и остаюсь верен себе.

Рубашка. Черная. И джинсы. Пусть хоть выгоняют, мне все равно.

Я согласился на прием в честь дня рождения кого-то из деловых партнеров отца с боем. Скрипел зубами и наотрез отказался надевать что-то торжественное, искренне ненавидя галстуки, бабочки и фраки. И не то чтобы я чувствовал себя чужим в атмосфере лоска и богатства, но такие вечеринки навевали на меня смертную скуку. Заставляли зевать и считать минуты до того момента, когда можно будет встать и по-английски свалить.

Проскользнув в зал, я окидываю беглым взглядом черно-белую толпу и с изрядным облегчением выхватываю из нее знакомую фигуру товарища, одетого так же небрежно, как и я сам. Пестрой гавайской рубашкой и бриджами Веселовский явно демонстрирует, что просто проходил мимо и не планировал заскочить на огонек, за что мне тут же хочется пожать Пашке руку.

Так что я клинком разрезаю толпу, незаметно приближаюсь к другу и утаскиваю из его тарелки канапе. Отправляю в рот шпатель с сыром, клубникой и виноградной, брызгающей Пашке прямо на воротник, и счастливо скалюсь.

– Здорова.

– Явился? – недружелюбно буркает Веселый, пытаюсь смахнуть с ткани фиолетовые капли, а вместо этого только сильнее размазывает пятно. Смирившись с кляксой, Павел шумно выдыхает, наверняка про себя вспоминая пару египетских казней, и с гаденькой улыбкой интересуется: – ну, и как успехи на ниве соблазнения недотроги?

– По плану, – теперь настает моя очередь хмуриться и раздумывать, куда послать не в меру язвительного товарища. То ли в баню, то ли на деревню к бабушке. Без указания точного адреса, разумеется.

– Тик-так, тик-так, время-то идет, – не унимается Пашка, откровенно измываясь над кипящим мной, и не испытывает по этому поводу никаких угрызений совести. Либо спящей беспробудным сном, либо выброшенной за ненадобностью.

– Нет, я, конечно, понимаю, что в фантазиях ты уже рассекаешь на моей тачке, но губы-то закатай, – фыркаю, выразительно зыркнув на Веселовского, и, предупреждая даже намек на возражения, бросаю: – через пятнадцать минут у выхода.

Ровно столько я планирую потратить на беседу с отцом, поднимаясь на второй этаж и старательно сочиняя причину, по которой можно улизнуть с обязательного для посещения мероприятия. И никак не ожидаю встретить здесь Леночку Семенову, одетую в скромное пепельно-розовое платье ниже колен и для разнообразия смывшую обычный боевой раскрас со ставшего непримечательным лица.

– Привет, Егор, – блондинка, кардинально поменявшая привычное амплуа, даже говорит негромко и плавно, прикрыв тронутые мерцающими перламутровыми тенями веки.

– Здравствуй, Лена.

Высекаю равнодушно и не собираюсь тешить ее самолюбие. Не желаю ни отпускать фальшивые комплименты, ни верить в произошедшие метаморфозы, поэтому оставляю одногруппницу одну посреди коридора, притворяя за собой тяжелую дубовую дверь. С удовольствием забывая на законы вежливости и правила этикета.

В просторном кабинете с большим овальным столом в центре комнаты, обтянутым темно-коричневой кожей диваном и двумя большими книжными шкафами с преимущественно мотивационной литературой по личностному росту и эффективному ведению бизнеса тихо. Так что я с размаху плюхаюсь в удобное мягкое кресло, поясницей натываясь на что-то твердое.

На поверку этим чем-то оказывается светло-бежевый ежедневник с бусинами, стразами и атласными ленточками на обложке. По наитию я засовываю найденную вещь подмышку прежде, чем с балкона доносятся приглушенные голоса, оживленно о чем-то спорящие. И готовлюсь стратегически отступить, дабы не становиться свидетелем конфиденциального разговора, когда в спину мне прилетает басовитое.

– Здравствуй, сын. Уже уходишь?

Оборачиваюсь, сталкиваясь взглядом с батей. Николай Леонтьевич Потапов выглядит намного младше своих лет и вполне может сойти за моего старшего брата. Седина еще не посебрила виски этого импозантного мужчины, чье крепкое тело поджаро и подтянуто, благодаря ежедневным тренировкам в спортзале. Ну, а хитринка в серых глазах выдает в нем человека проницательного и имеющего достаточно богатый опыт за плечами.

– Завтра важный тест, поеду готовиться.

Лгу без запинки. В свои двадцать лет я научился обманывать и выкручиваться виртуозно. Не моргнув, утаиваю лишнее, позволяю додумывать недосказанное и никогда не попадаюсь на вранье.

Ну, а как еще можно сосуществовать с разведенными родителями, которые в редкие встречи здороваются-то друг с другом сквозь зубы и сыпят взаимными обвинениями, как из пулемета? А ты не хочешь выбирать, кто из них тебе дороже, продолжаешь в редкие выходные ездить к матери и загружать продуктами холодильник. Потому что она снова заработалась, всю ночь писала статью и, по обыкновению, планировала питаться солнечным светом.

Покидаю кабинет до того, как батя успеет что-то возразить, и выбираюсь на улицу в мыслях о Потаповой Евгении Семеновне. Красивой женщине сорока лет с мягкими чертами лица и невероятными, как будто у героини фантастического фильма, ярко-голубыми глазами. Втягиваю носом воздух, пахнущий озоном, и бережно, словно лаская девушку, провожу пальцами по капоту верного зверя, на котором разноцветным бисером блестят полупрозрачные капли.

– В «Бункер»?

Окликает меня Пашка, а я гадаю, на каком топливе работает его организм, если Веселовский готов тусить ночь напролет семь дней в неделю, и, при этом, появляется в универе чаще, чем я.

– На заброшку.

Отбиваю твердо и мотаю головой, избегая столпотворения людей.

А уже спустя полчаса паркую синюю ауди рядом с недостроенным зданием, зияющим провалами черных глазниц. Манящим, гипнотическим и не позволяющим противиться его странному очарованию.

Оно зовет меня, заставляя перемахивать через груды мусора и торопливо карабкаться на сваленные друг на друга коробки. Чтобы в высоком прыжке достать до выступа и зацепиться за холодный бетон, все еще влажный после дождя. Потому что лестница на последний этаж с отсутствовавшей крышей так и существует лишь на чертеже неизвестного дизайнера, проектировавшего причудливое здание, отдаленно напоминающее Колизей.

Хватанув приличную дозу кислорода, я отточенным движением закидываю тренированное тело наверх и перекатываюсь ближе к краю. Хватаю ртом колючий свежий воздух, и чувствую, как адреналин вперемешку с эйфорией разлетается по венам. Знаю, что волшебные ощущения схлынут через пару секунд, потому что давно привык к высоте. Поэтому пробую все новые и новые аттракционы и трюки, лишь бы поймать это самое острое с перчинкой послевкусие, будоражащее все мое существо.

Помахав рассеившемуся прямо на бордюре и крутящему у виска Веселовскому, я достаю из-за пазухи блокнот, прихваченный под шумок из кабинета. Недолго верчу книжицу в руках, даже не задумываясь о том, что чужое брать не хорошо, а любопытство, в общем-то, порок, раз сгубило не одну кошку, и перелистываю первую страницу.

«Дорогой дневник...», – в витиеватых убористых строчках я без труда узнаю почерк одной своей знакомой и не хорошо так, недобро усмехаюсь, погружаясь в грозящие стать компроматом откровения.

Глава 10

Вика

Людей всегда разбирает желание спорить,

когда у тебя нет никакого настроения.

(с) «Над пропастью во ржи»,

Джером Дэвид Сэлинджер.

– Вичка, вставай!

Чересчур бодрый окрик долбится в барабанные перепонки, а мой затуманенный благодатной дремотой мозг отчаянно не понимает, почему кто-то наглый пытается стащить его хозяйку за ногу с кровати. Куда делось пушистое теплое одеяло и кто впустил в комнату не хилый такой, пронизывающий до костей сквозняк.

Вставать до безумия не хочется, а вот досмотреть прерванный на самом пикантном месте сон с участием симпатичного мускулистого сероглазого блондина очень даже ...

– Сероглазого?! – вынырнув из вязкого омута, я резко подрываюсь в кровати, ощупываю голову и хлестаю себя по щекам. – Вроде на месте, вроде своя, Мда, Смирнова, и как ты доказалась до такой жизни?

Обреченно выдаю вслух и опускаю ступни на пол, свыкаясь с суровой реальностью.

Долго рассуждать на тему падения морали и нравственности нынешней молодежи вообще и одной конкретной отличницы, в частности, некогда. Потому что кофе сам себя не сварит, рюкзак сам себя не соберет, ну а пунктуальный, как швейцарские часы, Максим Петрович Литберман вряд ли сдвинет начало пары из-за проспавшей Смирновой.

Так что остывший уже омлет, приготовленный заботливой Олькой, я заталкиваю в себя на бегу. Чтобы перед парой иметь запас в пять минут, опуская в прорезь кнопочного бандита двадцать первого века железные монеты.

– Счастье есть? Оно не может не быть?

Горячее дыхание обдаёт шею, и я, конечно же, вздрагиваю. Обладающий магический способностью появляться из ниоткуда, Егор по-хозяйски пристроил подбородок у меня на плече, и, естественно, не поинтересовался, согласна ли я на подобные действия с его стороны.

Глянув на надпись на боку баночки с кока-колой, я дергаю плечом и собираюсь добавить газировку в густой ароматный американо, расчетливо залитый мной в термокружку. И плевать, что потом сердце будет полдня стучать как бешеное. Надо же как-то выживать в суровые студенческие будни.

– Это явно не про тебя, Потапов.

Смеюсь задорно, ныряя вниз, выгребая сдачу и не успеваю удрать до того, как меня нахально прижимают спиной к торговому аппарату. Вызывая становящийся привычным (что крайне пугает) табун мурашек, вновь устраивающий себе развлечение вдоль моего позвоночника.

– Свидание.

Упрямо настаивает Егор, и я на несколько мгновений тону в пристально сверлящих меня серых глазах, восхищаясь настойчивостью блондина. Неожиданно выделившегося на фоне большинства парней, предпочитавших более доступных, более стоворчивых и далее по списку.

А потом все-таки вспоминаю, что не перевариваю Потапа всеми фибрами души, и пытаюсь вернуть на лицо непроницаемую маску.

– У меня работа, – бормочу не слишком громко и совсем не решительно и с мазохистским удовольствием втягиваю носом уже знакомый терпкий аромат горьковатых духов.

Вкусно.

– Брось, Смирнова.

Судя по выразительно изогнувшейся брови и недвусмысленной ухмылке, Потапов не верит мне от слова «совсем» и уже готовится завалить мою вяло сопротивляющуюся персону ворохом аргументов.

И в это мгновение, когда я оказываюсь на грани того, что сдаться, по коридору прокатывается переливчатая трель звонка. Спасаящая меня от дальнейших объяснений и активно подталкивающая нас с Потаповым к большой полукруглой аудитории с нещадно скрипящими стульями. На которых стоит сидеть неподвижно, дабы не привлекать лишнего внимания.

С нашим появлением в лекционной воцаряется настолько густое напряжение, что его можно буквально есть ложкой. Ну, а утыкающиеся между лопаток косые взгляды обязательно заставили бы меня поежиться, будь я чуточку восприимчивее.

Но излишней впечатлительностью я не страдаю, распрощавшись с ней классе эдак в седьмом, поэтому с невозмутимым видом усаживаюсь за первую парту, выуживаю из рюкзака конспект, ручку и вожделенную термокружку насыщенного бордового цвета. Пока немолодой преподаватель в темно-зеленом твидовом пиджаке с круглыми очками, медленно сползающими к кончику его носа, что-то сосредоточенно записывает в журнале.

Догадавшись, что мы пропустили начало распределения тем докладов, я радостно выдыхаю. Учитывая, что количество студентов в группе нечетное, а в списке я значусь последней и отношения с сокурсниками имею весьма прохладные, шансы остаться единственным человеком без пары стремятся примерно к ста процентам.

В мыслях я уже набрасываю примерный план будущей работы, прикидываю обширный список литературы и никак не могу понять, почему Максим Петрович так внимательно на меня смотрит. Как будто вознамерился провести над моей тушкой один из запрещенных опытов-экспериментов.

– Любопытно, – Литберман хмыкает и крутит в узловатых пальцах черную ручку с изящной серебристой гравировкой, кивая каким-то своим соображением. И чем дольше затягивается пауза, тем сильнее крепнет подозрение, что я упустила из виду что-то очень важное.

В ожидании вердикта преподавателя замирают все, а расположившийся через проход Егор так и вовсе нетерпеливо подается вперед, опершись локтями на шероховатый стол. Максим Петрович зыркает на парня поверх очков и непринужденно забивает последний гвоздь в крышку моего гроба.

– Хорошо, записываю пару Потапов-Смирнова. Только доклад будешь защищать ты, Егор. А не Вика.

Ультиматум преподавателя тараном бьет мне под дых и отправляет в нокаут.

Я была настолько уверена, что Егор выберет Семенову, что в самом кошмарном сне не могла и предположить, что блондину хватит глупости назвать мою фамилию.

– Ну, вот где я так нагрешила, а?

Отказываясь принимать неизбежное, я морщусь, как от зубной боли, и отчетливо осознаю, что выходку Потапова не простят, причем мстить будут явно мне. Недовольно закушенная губа Леночки и сжатые в кулаки руки не оставляют и тени сомнения, непрозрачно намекая, что наша конфронтация выходит на новый уровень.

Остаток пары я не слушаю. Вывожу на полях абстрактные узоры и пытаюсь смириться с тем, что с повышенной стипендией придется попрощаться. Скорее ад покроется коркой льда,

чем Потап сможет ответить на все вопросы дотошного Максима Петровича и получить у него «отлично».

– Ну, кто тебя просил, а?

Пылю, швыряя ручку в сторону. Я снова не замечаю, как звенит звонок, и одноклассники живо собирают вещи и освобождают аудиторию, оставляя меня наедине с лучащимся совершенно непонятным торжеством Егором.

– Никто. Захотелось.

Непрошибаемый, Потапов неопределенно ведет плечо и широко так, довольно улыбаясь, отчего у меня окончательно срывает крышу. Со скоростью маленького торнадо я вылетаю из-за парты, толкаю Егора ладонями в грудь и прихожу к выводу, что сдвинуть гору с места и то легче, чем заставить пошатнуться продолжающего снисходительно ухмыляться троечника.

Но я не сдаюсь. Выдыхаю шумно и приподнимаюсь на носки, готовясь в случае чего сослаться на состояние аффекта, как на смягчающее обстоятельство нанесения некоторым индивидам тяжких телесных повреждений.

– Потап! Ну зачем, а? – признаки понимания ситуации по-прежнему отсутствуют на лице у Егора, и мне приходится разжевывать элементарное, словно несмышленому пятикласснику: – ты стипаху не получаешь, тебе все равно, а я на эти четыре тысячи неделю безбедно жить могу!

– Ви-и-ик.

Предупреждающе тянет Потапов и придвигается на шаг, заставляя меня проглотить застывшие на языке возмущения и попытаться разобрать, что за татуировка мелькает в вырезе воротника стильной темно-синей рубашки. А еще вынуждает забыть, что всего пару мгновений назад я хотела его прибить с образцовым тщанием и изрядным пристрастием.

– А давай поспорим?

– На что?

Спрашиваю на автомате. От подозрительного предложения за версту несет безудержной, самоубийственной авантюрой, но мое любопытство уже высоко вскинуло голову и теперь облизывается в предвкушении ставок.

– Если я защищаю наш доклад на «пять», ты идешь со мной на посвят перваков в «Метлу», – бросает равнодушно Егор и замолкает, цепляясь большими пальцами за грубоватый темно-коричневый ремень джинс.

– А если нет?

– Буду платить тебе четыре тысячи упущенной выгоды ежемесячно.

Паузу выдерживаю недолго. Условия сделки прельщают, чего уж греха таить, но, вместо того чтобы их принять, я ляпаю кое-что совсем другое. Удивляющее не только меня саму, но и Егора, уставившегося на меня с долей скепсиса и приоткрывшего от изумления рот.

– Ты запишешься на факультатив к Литберману.

Глава 11

Егор

Он не сопротивлялся искушению.

Он преследовал его.

(с) к/ф «Распутник».

– Добрый день.

Произношу подчеркнуто вежливо и озираюсь по сторонам.

Мягкий приглушенный свет настольных ламп разрезает пространство, тихий перестук клавиатуры превращается в монотонный ритм, и довершает атмосферу полная библиотекаря в ярко-желтой шифоновой блузке с лиловым шарфом вокруг короткой шеи.

Женщина недружелюбно взирает на меня поверх массивных очков и, явно не одобряя компанию Вики, тычет пальцем в формуляр и с издевкой чеканит.

– Должникам книги не выдаем.

И столько злорадного торжества в ее голосе, что я невольно морщусь и делаю в уме пометку. Ни за какие коврижки не встречаться с суровым стражем университетских сокровищ в темном переулке.

– Запишите все на меня, пожалуйста.

Тем временем, Смирнова переключает внимание строго цербера на себя, обворожительно улыбается и незаметно для библиотекаря толкает меня острым локтем под ребра. Чтобы молчал и не дай Бог не влез со своим «уместным» комментарием.

Женщина еще раз окидывает нашу странную, по ее мнению, парочку снисходительным взглядом и после длительных раздумий выкладывает-таки на стойку целую стопку книг. Заметив которые, я все же не удерживаюсь и интересуюсь, ехидно вскидывая левую бровь.

– А у тебя, Смирнова, вай-фай что ли отключили? Или ты интернетом пользоваться не умеешь?

К повторному удару острым локтем в стратегически важные органы я оказываюсь готов. Вовремя перехватив занесенную для удара руку, я крепко и надежно прижимаю отличницу к себе и откровенно наслаждаюсь шутливой перепалкой а, заодно, и теплом стройного девичьего тела.

– Молодежь, и куда только ваши родители смотрят, – вклинивается в нашу беседу потревоженная библиотекаря и укоризненно бормочет: – о времена, о нравы! Совсем читать перестали!

Так что мне не остается ничего другого, кроме как вытолкать нехитрые извинения и удалиться. Удерживая одной рукой ни разу не легкие талмуды, а второй пытаюсь приобнять пытящую, как маленький насупленный ежик, Смирнову.

Вика этот маневр, конечно же, не оценивает по достоинству, скидывает с плеча мою беспардонную конечность и усаживается за маленький квадратный стол. Продолжая сопеть, хмуриться и всеми возможными способами выражать мне свое «фи».

– Смирнова, солнышко, я твой бойкот оценил. Можешь прекращать дуться.

Поймав возмущенный вздох, я располагаюсь рядом, достаю из портфеля ручку с листком и принимаюсь что-то схематично набрасывать. Изредка отвлекаясь на невероятные глаза, кажущиеся в неярком свете изумрудно-зелеными.

Спокойствия Смирновой хватает ровно на пять минут, после чего она, поступившись то ли не начавшимся, то ли уже закончившимся процессом воспитания одного троечника, зарывается носом в мои корявые закорючки. Бухтит, что мне стоило поступать на какого-нибудь хирурга или терапевта, потому что кривизна, градус наклона букв и неразборчивость написанного впечатляет, и просит над ней сжалиться. Поэтому я забираю у вертевшей листочек под немыслимыми углами девчонки и спокойно расшифровываю свои выкладки, в итоге получая длинный, полный восхищения свист.

– Ничего себе!

Округляет и без того огромные глазищи и нетерпеливо барабанит по столешнице. С одной стороны, ее удивленный возглас приятно согревает мою корыстную душу, а вот с другой, обижает.

– Не думал, что мои умственные способности котируются так низко. Прямо, как просевший на финансовых биржах рубль, – угрожающе тяну я, похрустывая костяшками, и отбиваю пальцами по несчастной деревяшке что-то очень сильно напоминающее похоронный марш. – Если я троечник, это еще не означает, что я круглый дурак.

– А так сразу и не скажешь.

Извиняться Вика явно не собирается. Она упрямо испытывает мое терпение на прочность, невинно хлопает густыми пушистыми ресницами, едва тронутыми тушью, и почему-то не опасается за свою безопасность. Кстати сказать, абсолютно необоснованно и очень зря.

На что я поднимаюсь из-за стола, обхожу его кругом, вплотную приблизившись к потерявшей страх отличнице, и шумно втягиваю раздувающимися ноздрями воздух. Поддавшись порыву, с легкостью приподнимаю девушку со стула и бесцеремонно перебрасываю ее через плечо. Стойко игнорируя гневные крики, безобидные тычки и тумачи, не причиняющие ровным счетом никакого вреда и только заставляющие меня хищно так улыбаться.

С видом победителя я продолжаю удерживать добычу на весу, подхватываю свой портфель и Викин рюкзак и устремляюсь к выходу в коридор, походя пугая стайку оживленно шепчущихся первокурсниц.

– Положи, где взял, Потапов!

Верещит Смирнова, не оставляя попыток образумить зарвавшегося меня, а вместо этого только больше раззадоривает. Игнорируя ее призывы, я довольно насвистываю под нос незатейливый мотивчик и полностью сосредотачиваюсь на беспомощно болтающейся жертве. В упор не замечая, как местные Лелек и Боек, то есть безгранично преданные Семеновой близняшки, синхронно тянутся за телефонами, чтобы запечатлеть на камеру весьма занимательный способ передвижения и моментально отослать видео своему генералу.

Собрав пару десятков завистливых вздохов, кучу заинтересованных взглядов и даже какую-то дурацкую шутку от Веселовского, я выношу Вику на парковку и аккуратно опускаю ее на неровный асфальт рядом с поблескивавшей новенькими хромированными дисками ауди. Галантно открываю перед ней дверь, второй рукой опираюсь на темно-синее крыло и отсекаю возможный путь к отступлению.

– Опережая тот момент, когда ты начнешь кричать, я предложу тебе комфортабельную поездку домой. В качестве извинения.

Купаю Смирнову в непоколебимой уверенности, отражающейся в расслабленной позе, и хочу верить, что глаза не выдают и толики волнения, которое я сейчас испытываю. А неторопливо пробегающие по металлической обшивке пальцы, застывшие в нескольких сантиметрах от лица Смирновой, вовсе не подрагивают. Нет.

– Ладно. Хорошо.

От моего пристального внимания, липким слоем оседающего на ее покрывшейся мурашками коже, Вика робеет и мнется. Недолго думая, она ныряет в салон вдыхая полной грудью

ненавязчивый, приятный аромат грейпфрута и эвкалиптового масла. Гармонично перемешивающийся с не выветрившимся до конца запахом свежей кожи.

– Пристегнись.

Командую, пока девушка с любопытством изучает темно-синюю приборную доску с новой модной электроникой и пробует подлокотник светло-бежевого кресла на мягкость, и с комфортом размещаюсь на водительском сидении. Вставляю ключ в замок зажигания и с легкой ухмылкой цепляю на нос солнцезащитные очки-авиаторы. Которые идут мне куда больше, чем Брэду Питту, как утверждает мама.

С территории университета выкатываю автомобиль плавно, но стоит только выехать на трассу, как врожденная любовь к скорости вкупе с навязчивым желанием порисоваться берут свое.

Нарушать правила, в том числе и дорожного движения, я не только умею, но и люблю. Получаю дозу чистейшего, острого удовольствия, умело лавируя в бешено несущемся потоке, иногда притормаживаю перед камерами и несколько раз цепляю злополучную встречку.

Льющаяся из динамиков мелодия из «Жажды скорости» только подначивает заходить в повороты по невообразимой траектории, стирать резину и резко выкручивать руль. Отчего присмиревшая Вика изредка взвизгивает и закрывает ладошками рот, чтобы не высказать мне все, что она думает о моей рискованной манере вождения и не менее экстравагантной персоне.

– Потапов! Да чтобы я! Да с тобой! Да еще раз! Ты меня чуть до инфаркта не довел!

Полузадушено сипит Вика, когда мы тормозим под окнами ее дома, и на негнущихся ногах выбирается из машины, опираясь на любезно предложенную мною ладонь. Жадно хватая ртом воздух, все еще цепляется за мои дарящие тепло пальцы и, прислонившись спиной к холодному металлу, тихо бормочет:

– Спасибо, что живая.

Глава 12

Вика

*Если девушка всё время думает
о том, что у неё нет денег,
откуда ей взять время для любви?*

(с) к/ф «Джентльмены предпочитают блондинок».

– О-бал-деть!

Мир до сих пор вращается перед моими глазами, желудок все еще судорожно сжимается после сумасшедшей гонки. Поэтому больше похожий на боевой клич возглас, раздающийся с одного из балконов серой панельной высотки, воспринимается отстраненно. Как через плотный слой ваты.

Любознательная от природы Курочкина совершенно не умеет прятать эмоции и держать язык за зубами. Вот и сейчас она опасно перегнулась через хлипкое ограждение и норовит свалиться ни много ни мало с пятого этажа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.